

Неразгаданная моя калмыцкая загадка

В чем смысл моей загадки?

В первую очередь, вот в чем. Каким образом и почему я оказался в Калмыкии и надолго остался. Сделал остановку? Когда жена поднялась на Небо, на Земле, особенно в Москве, где жил и трудился в Академии педагогических наук СССР, мне стало плохо. Что-то рухнуло, а в душе - многое развалилось, рассыпалось. Прежде всего, надо было покинуть Москву. Навсегда? Не знаю. О том, что я ищу приют, догадывались или узнавали многие мои ученики (у меня почти 30 докторов и около 150 кандидатов наук). К тому же непосредственно был я связан почти с 50 университетами. Это была деловая связь: спецкурсы, конференции, симпозиумы, семинары, диссертационные советы... В МГУ на третьем курсе философского факультета я прочитал самый лучший, самый содержательный, пожалуй, без преувеличения, самый уникальный за все годы моих творческих исканий - спецкурс «История коммунистического воспитания». Записалось в слушатели много студентов-иностранцев, правда, преимущественно из социалистических стран. В спецкурсе компактно была представлена вся мировая педагогика. Мне удалось на лекциях организовать эмоциональный, почти живой диалог между Конфуцием и Сократом, Томасом Мором и Кампанеллой, Френе и Сухомлинским... Мне студенты поверили, как важно обогатить свою память знанием всех важнейших духовно-нравственных богатств, которые выработало человечество. В миниатюре эти диалоги восстановил в своей замечательной книге А. Б. Панькин. И я принял некоторое участие. Диалог развили дальше в нашей совместной книге «Введение в этнопедагогику» (я, Т. Н. Петрова и А. Б. Панькин). Именно названный курс удостоил меня приглашения в соавторы уже в основном созданного А. Б. Панькиным учебника «История образования и педагогической мысли». В настоящее время этот учебник признан лучшим вузовским учебником в Российской Федерации.

В университетах меня встречали не просто благосклонно, но и с необъяснимым уважением, переходящим чуть ли не в любовь. Вероятно, никогда мне не удастся понять особенное отношение президента Давыдова Юрия Степановича и ректора Пятигорского государственного лингвистического университета Горбунова Александра Павловича: по незначительным поводам в моей жизни поступают от них поздравления и письменные, и телеграфные (сто слов, телеграмма срочная - к рядовому дню рождения, который я сам и не отмечаю). При этом ни одного стереотипного текста. Таких телеграмм я не получал ни в Чебоксарах, ни в Казани, ни в Москве, ни в Эрфурте, где прожил долгие годы. Одна из срочных телеграмм от президента и ректора поступила не из Пятигорска, а из Ростова-на-Дону. Помнить вне дома о человеке, которого толком-то и не знаешь: «Долгие годы плодотворной работы снискали Вам заслуженную славу в среде педагогической общественности России. Ваш профессионализм, любовь к своему делу, глубина и широта взглядов, интеллигентность, гуманное отношение к людям, коллегам, ученикам совершенно справедливо вызывают уважение». Честное слово, о себе я так не думал, себя я таким и не знал. Конечно же, такое авансированное доверие очень обязывает и во многом затрудняет жизнь.

Пришла телеграмма, и опять в Элисту: «...Ваше творчество одухотворено наследием Яковлева, воспето Хузангаем и Айги, омыто слезами Пушкина, освящено отцом Иакинфом, обновлено духовностью Толстого. В созвездии великих личностей ярко сияет и Волковская звезда. Преклоняемся перед Вашим талантом. От имени коллектива ЧИЭМ Н. Т. Савруков».

И этого мало - председатель диссертационного совета в Пятигорском лингвистическом университете профессор Н. В. Барышников при полном зале провозглашает: «Г. Н. Волков - человек-легенда...» И обстоятельно обосновывает свою характеристику, которую не решусь привести по завету-совету Будды Шакьямуни: «Скромность - высшая добродетель». Тем не

менее, наверное, я не смогу скрыть своего удивления по поводу того, что Г. М. Борликов и А. Б. Панькин в трехтысячном издании «Становление этнопедагогике» сравнивают меня с Конфуцием. Пусть - рискованно смелая гипербола, но она - стимул, побуждение, призыв к творчеству.

Все Южное Поволжье и Северный Кавказ оказались роднее родного края: чем древнее - тем ближе, что ли? Это - страна Великая Булгария. Мальчишкой я встретил лаборанта кафедры физики в Чувашском пединституте более 40 лет назад. Не встречались почти 30 лет. Сейчас он - ректор лучшего педуниверситета в стране с лучшими исследователями-педагогами. Сближению, возобновлению взаимных глубоких симпатий способствовали опять калмыки... На недавней встрече, вручая визитную карточку со всеми телефонами, включая жены и дочери, сказал: «Понадоблюсь - звоните. Поднимите хоть ночью, машина ли понадобится, или что другое...» Речь - о Валерии Ивановиче Данильчуке, члене-корреспонденте Российской академии образования.

В эти края неужели позвали меня голоса предков? Здесь жили мои предки полтора тысячи лет назад в Великой Булгарии. Четыре столетия тому назад пришли ойраты - калмыки, древние соседи и родственники еще в гуннские времена. С русскими, с Киевской Русью - давние дружественные связи... Известный калмыцкий писатель Арсланг Бамбаевич Санжиев был несказанно удивлен, читая в подлиннике - при моем участии - сонет великого чувашского поэта Педэра Хузангая, друга Давида Кугультинова. Сонет называется «Геннадию Волкову». Первое слово - обращение «Хуначи». Как будто это «Геннадий» в чувашской транскрипции, по правде же смысл совершенно иной: *сын гуннов...* Это и возвеличение, и благословение, а благословение великих много значит, и духовно приобщает удостоенного такого внимания к великим личностям, их подвигам и мыслям...

Вступлением хотел я подготовить читателя к мысли о том, что я в Калмыкии, быть может, на Северном Кавказе вообще - по зову моих предков. Получилось это почти случайно. В Волгограде выступил официальным

оппонентом по докторской диссертации А. Б. Панькина. Самое интересное для меня на защите было выступление ректора университета Г. М. Борликова. Он сказал о диссертации лишь попутно, а говорил с особенным воодушевлением о евразийском классическом университете как универсальном этноэкологическом университете. Обосновывая универсализацию этноэкологии, а об этноэкологии я услышал впервые, - ректор четко и ясно представил идеи об экологии национального человека («национальный человек больше, чем просто человек»), национальной личности, экологии этнокультуры, национальной системы образования... И даже о сохранении, развитии, расширении национального классического университета, опять с позиций этноэкологии...

Для меня все это во многом было ново, интересно, оригинально, перспективно, но главное - примыкало к делу всей моей жизни - этнопедагогике. Тут же возникла мысль о новом направлении в науке на уровне самостоятельной школы - *этнопедагогике университетского образования*. Так что мне не оставалось еще куда-то ехать, раз Калмыцкий университет явился для меня выдающимся открытием в системе высшего образования. Ректор вскоре издал приказ о создании научно-исследовательской лаборатории этнопедагогических инноваций, которая привлекла к научным поискам более 40 учителей и преподавателей, подготовила к защите свыше 10 кандидатских диссертаций, семеро из них уже получили дипломы.

В лаборатории создано по этнопедагогике 12 учебных дисциплин - как предметы по выбору, как спецкурсы. Среди них были и очень небольшие - на 6-8 часов, в качестве вступительных, вводных на I-II курсах педфака - для подготовки к более серьезным дисциплинам на старших курсах. На одном из спецсеминаров на IV курсе имел место своего рода курьезный случай. Предмет назывался «Личности – символы» - не то же самое, но почти то же самое, что у Л. Н. Гумилева «Пассионарии». Было предложено контрольное задание: назвать семь великих калмыков, которых можно было бы отнести к

личностям-символам. Одна из студенток самым великим калмыком записала лектора - автора спецкурса... Дети еще, дети - они все могут...

Этот курьез позволяет выйти к теме. Или вернее - к поиску ответов на вопросы: «Чем объяснить небывалый творческий подъем автора, уже по сути на исходе жизненного пути?», «Каким образом проникли калмыки в его судьбу?» Ответ однозначен: неожиданным возвращением к воспоминаниям детства и возрождением почти забытых мыслей активной творческой юности и боевой ищущей молодости.

Впервые слова «калмык» услышал от бабушки. Мне было 4, быть может, 5 лет. Не забываемы бабушкины повествования о набегах калмыков в Чувашию в начале XVIII века, по пересказам живых свидетельств ее прадеда Алякки. Наша деревня Большие Яльчики расположена близко к юго-восточным границам Чувашской земли. Набеги начинались с них. Сами мои односельчане только недавно переселились с Волги на свободные земли «дикого поля», опустошенного до этого за 300-400 лет монголами. Чуваши, по мнению Карла Маркса, «лучшие земледельцы Поволжья», не были в состоянии сопротивляться воинственным кочевникам. У недавних переселенцев скота для угона было мало, зато было много красавиц, их увозили более охотно. Я знаком с семьями калмыцко-чувашскими. Знаю легендарно верную жену-калмычку своему больному мужу-чувашу, до самой его смерти сохранившую ласку и нежность. Наверное, многие знают двух «Мисс Центр Азии» - чувашско-калмыцкой, калмыцко-чувашской национальности. В п. Цаган-Нур нас с А. Б. Панькиным познакомили с чувашкой, которая чувствует себя среди калмыков как среди родных. Среди моих чувашских студентов не единичны были Калмыковы (встречались они и среди татар). К сожалению, история этих родов мне совсем не известна. В Калмыкии в некоторых группах собравшихся калмыков, даже в случайной толпе, я порою чувствую себя как среди своих односельчан. Имею в виду внешнее сходство.

Рано пришли в мое детство калмыцкие сказки. Узнал, что они калмыцкие, позднее (вероятно, они дошли до нас раньше, до переводов их на русский язык). Калмыцкие сказки более сорока лет назад появились в моих книгах по этнопедагогике. В некоторых сказках я обнаруживал нечто напоминающее естественный педагогический эксперимент. «Единственный способ борьбы с ленью - постоянное втягивание воспитуемого в работу» (А. С. Макаренко). Совсем по-макаренковски, но на сотни лет раньше, решает эту проблему калмыцкая старушка, перевоспитывая своего ленивого старика. Калмыки в моем творчестве занимают много места. Уже больной - я издал книгу о духовности, которая построена на калмыцких размышлениях, а 39 стихотворений А. С. Пушкина о духовности возвышенной любви отобраны в диалогах со студентами-старшекурсницами (преимущественно с выпускницами).

Для меня много значили содружество с профессором О. Д. Мукаевой, деловое общение, порою на уровне творческого сотрудничества, со всеми ее аспирантами, с заместителем министра Л. Н. Мукаевой, с «калмыцким националистом» А. А. Сокальским, министром В. А. Довдановым и многими другими яркими, самобытными личностями. Особое удовлетворение вызывают у меня кандидатские диссертации по моим темам «о Джангаре» и по произведениям калмыцкой художественной литературы. Горжусь своей докторанткой Р. Б. Дякиевой, еще одним заместителем министра. Сегодня мне приятно вспомнить, что задолго до защиты докторской диссертации, прочитав ее первый вариант, по итогам своих пожеланий я наложил резолюцию: «Молодец!» Докторская диссертация одобрена ВАКом в невероятно быстрые сроки.

Немногие знают, что я долго и неплохо преподавал математику. Чтобы не было нечто похожее на нескромность, преподавал я и физику в 6-7 классах мужской семилетней школы № 78 г. Казани (тогда я учился в аспирантуре по педагогике). С преподаванием физики у меня обстояли дела неважно. У меня есть предположение, что успехам в преподавании математики помогла мне

методическая система академика П. М. Эрдниева. Я первым в Чувашской Республике, работая в средней школе № 4 г. Чебоксары, применил отдельные элементы УДЕ (для системного, целостного охвата всей методики не хватало еще опыта). Не зная меня толком, быть может, зная понаслышке, возможно, по вечно вызывающим дискуссионные отклики моим статьям, проявлял ко мне академик неподдельный, живой интерес. Редко кто имеет, наверное, его книги, учебники, а мне он подарил все свои основные труды. Это я подробно описал в своей статье «Вершина нации».

Судьба подарила мне незабываемые встречи, пусть и нечастые, как хотелось бы, с великим Давидом Кугультиновым. Кажется, однажды в письме невзначай я допустил бестактность. Кугультинов с Хузангаем работали (думали, писали, обсуждали) в Доме творчества писателей в Голицино. Спрашиваю у Хузангая: «Было ли хорошо?» Он: «В плохом месте евреи не бывают. Маленький, уютный дом творчества. На 14 писателей; 12 старых евреев-писателей, некоторые из них всю зиму живут там. Двое – русских». «Двое русских - кто?» «Давид Кугультинов и я». Мой пересказ Кугультиновым, по-видимому, был неправильно понят. Хотя в словах ничего плохого о евреях не было сказано: вообще я человек совершенно свободный от национальных предрассудков.

Творчество Давида Кугультинова мне хорошо известно. Многие его книги - с дарственной надписью поэта. Подарки получены через профессора О. Д. Мукаевой. Все книги пущены в дело. Я часто к его ясным этнопедагогическим идеям обращаюсь и на лекциях, и на семинарских занятиях, включаю и в доклады. Кому что, я в восторге от «Бунта разума». Вспоминается Гёте. И здесь его масштабы. По-моему, до сих пор мы поэму недооценили еще. Быть может, даже недопоняли всей ее философской глубины.

На самые сокровенные, сегодня и мной особо почитаемые священные калмыцкие верования, сохраняющиеся тысячелетиями, открыл мне глаза Базр Александрович Бичеев. Его монография, одна из лучших в наше время,

стала моей настольной книгой, в предисловии к ней я благословил его как духовного сына. С великим удовольствием хожу на его лекции и доклады. С удивлением обнаруживаю сходства между древними религиями калмыков и чувашей. Наш Киреметь, до предательства его чувашами, был очень похож на калмыцкого Белого Старца.

Много дало мне содружество с общиной «Возрождение» во главе бакши Галины Доржиевны. Не раз выступал я в ее общине, писал в ее священных изданиях. Бакши не раз выводила меня из депрессии. Однажды ее община посвятила мне целый ритуал полевых молений на священной энергетической точке недалеко степи. Совсем под Элистой. Эти добрые женщины, молясь, выводили меня, хотя бы на время, из уныния.

Могу к этому добавить, что с моим предисловием вышло почти десять книг калмыцких авторов, я написал три десятка рецензий на рукописи монографий. На мой взгляд, книги эти чрезвычайно интересны. Чего, например, стоит монография В. Ш. Бембеева по историографии калмыков. Многого стоит, к примеру, сочетание художественно-литературного стиля со строгой научностью. Всегда надо помнить, что художественное изложение научных истин выше чисто теоретико-академических. В педагогике, например, никогда не будут забыты «Эмиль, или О воспитании», «Лингарт и Гертруда», «Как любить ребенка», «Педагогическая поэма», «Сердце отдаю детям»... От чисто теоретических трудов давным-давно нет уже никаких следов. Без эмоций не было и нет познания истины. А художественность и эмоция не делимы. Художественное оформление научных открытий доступно далеко не каждому. Теорийку можно раскопать и в давно забытых книгах, и в интернете.

Много интересного наблюдалось в Калмыкии в межличностных отношениях. Пожалуй, самое удивительное - надежное сохранение родственных отношений. Забота об их прочности. У одной студентки, единственной дочери своих родителей, я с невероятной быстротой насчитал почти сто братьев и сестер. Подобное едва ли встретишь где-то в другом

месте. «У богатого брата не может быть бедной сестры», - эта пословица у калмыков звучит как требование нравственного кодекса.

Ко мне отношение было идеальным с первых дней моей работы. Кое-что, кажется, и я внес, особенно в сфере общения. Во-первых, начал со всеми - независимо от национальности, здороваться по-калмыцки. Думаю, что чего-то стоило мне участие в распространении традиционной формы приветствия: при мне стало больше русских приветствовать друг друга по-калмыцки. Во-вторых, я мужчин наряду с приветствием обнимаю, а женщин целую в щечку. Несколько калмыков в республике так и не приняли мое правило - целовать в щечку. Так, например, профессор А. Б. Панькин обнимает, тоже по моему примеру, приветствует и тут же предлагает: «А теперь целоваться идите к Волкову». Вероятно, я преимущественно «девчоночий педагог» - как отец дочери, дед внушек, быть может. Со студентками ласков, нежен, к женщинам в положении - особенное отношение. В процессе общения во время лекций, носящих характер проповедей, часто употребляются благопожелания, благословения, близкие по смыслу к завещанию.

Множество, бесчисленное множество примеров сердечности калмыков мог бы я привести не задумываясь. И не инвентаризуя.

Иду однажды торопливо по улице Пушкина. Слышу нежный голос красавицы всех времен и народов, легким шагом балерины догоняющей меня: «Геннадий Никандрович! У вас развязался левый ботинок! Наступите на шнурок - и можете упасть». Не моя студентка. Не видел ее ни разу и после. Встала на колени на пыльном тротуаре - а сама в моднейших новых джинсах, быстро-быстро завязала шнурок. И посоветовала, совет-то произнесла почти в форме наказа на будущее: «Вы завязывайте бантом, образуя колечки, конец шнурка всуньте хотя бы в одно кольцо, можно оба конца - в два кольца. Никогда не развяжутся...» По поводу того, что ни разу не встретил девушку, - быть может, она и не студентка вовсе, - профессор А. Б. Панькин пошутил с присущим ему юмором, тонко подметил: «Такие красавицы уезжают у нас за границу. Возможно, она прилетела в Элисту из

Парижа, чтобы завязать Вам шнурки. Вот Вы и не потеряли свои старые немодные ботинки благодаря славной дочери великого калмыцкого народа».

Действительно, удивительно ко мне отношение калмыков. Калмычек - тоже. Калмыков - обнимаю, калмычек - целую в щечку. Со студентками общаюсь - как с родными внучками. Беременных на экзаменах ни о чем не спрашиваю. Предлагаю: «Ставьте оценку - я распишусь: мы не можем нервировать будущего Большого Человека...»

Страдая от бессонницы, выхожу на прогулки поздней ночью. Иногда после двух часов - уже к утру. Однажды хожу вокруг памятника Оке Ивановичу Городовикову. Подъезжает милицейская машина. Выходят двое милиционеров - один высокий, другой - ниже; второй подходит ко мне, отдавая честь, предлагает садиться в машину. Меня они, оказывается, знают. Отвозят домой. По дороге невысокий вежливо и заботливо наставляет: «Нельзя так поздно гулять. В городе неспокойно. В деревнях нет работы. Приезжают молодые люди и создают бандитские группировки. Мы не можем гарантировать вашу безопасность...»

Трогательный случай. В ресторане «Уралан» три молодых министра, соревнуясь, подают пальто. Подобное нигде - ни в одной стране, ни у одного другого народа в мире быть не может.

Профессор А. Б. Панькин как-то совершенно естественно оперирует терминами, пусть и кажущимися искусственными, и на лекциях, и на консультациях —«методика и технология отношения к людям по Волкову». Между прочим, этому начало мог положить профессор Александр Юрьевич Гранкин, проректор Пятигорского лингвистического университета, зверски убитый через два дня после последней встречи с ним в Майкопе. Дружба с ним зародилась в Волгограде, которая переросла в отчески-сыновние отношения - в любовь - опять среди калмыков, опять благодаря их легендарной доброжелательности. А вот детали последнего разговора:

- Геннадий Никандрович, Вы читали двухтомник Волкова «Педагогика любви»?

- К сожалению, времени не было... (И это - сущая правда: в избранные этнопедагогические сочинения вошли ранее написанные работы).

- Очень Вам советую: прочтите хотя бы второй том. Это - книга будущего. Через лет сто она станет известна всему миру... Или мира уже не будет. Одно из двух...

Свидетелем этого разговора опять был калмык - доцент Санал Алексеевич Даваев.

Перечитываю монографию Г. М. Борликова о евразийском классическом университете. Опять фрагмент - пусть лишь один:

«Когда мы в первый раз с Геннадием Никандровичем Волковым вышли в степь, и он оседлал лучшего калмыцкого коня, то произошло чудо преображения. Он неловко, с осторожностью, быть может, даже немного с опаской, вскарабкался на коня и вдруг вырос до неба... Он никого не видел, лицо его выражало задумчивость. И долго-долго всматривался в даль... Когда сошел с коня, молчал потрясенный каким-то своим внутренним впечатлением, какими-то, быть может, ему только понятными мыслями... «Произошло какое-то озарение, - пояснял он позже, - я вошел в контакт со своими предками. Они, каких-нибудь полтора тысячи лет назад, жили совсем рядом, бывали здесь, затем вдоль Волги пошли на север. Казалось, я слышу и топот коней, и скрип телег, и немногословную речь моих древних соплеменников».

Пол-Элисты со мной здороваются, четверть Элисты останавливает машины: «Куда Вам?» Скрывать не стану: по-моему, началось это с доцента С. А. Даваева, а его поддержал калмыцкий народ. Легкий юмор в этом признании есть, но иронии - ни капли. А сколько тысяч километров проехал я по калмыцкой земле с министром В. А. Довдановым, рядом с ним как водителем, не считая почти тысячекилометрового автотопробега с его соратниками, сотрудниками?!

Еду в маршрутке в университет. Напротив меня, близко ко мне, спиной к водителю, сидит красивый молодой человек с умными глазами. Живо напоминает мне друга моего детства - Ваню Начарова.

- Ты, ведь, сынок, не чистый калмык. Какой народ еще присутствует в твоей крови?

- Я - чистый калмык, Геннадий Никандрович.

Меня удивило обращение совершенно незнакомого парня ко мне по имени-отчеству.

- Но ты - не мой студент, я запоминаю всех и помню.

- Геннадий Никандрович, я студент педколледжа. Но я не пропустил ни одной Вашей лекции, ни одного Вашего доклада на всевозможных конференциях, совещаниях, семинарах... Я за вами хожу. Меня тоже зовут Геннадием, а фамилия - Корнеев...

Полюбил я молодого человека как сына родного, хотя он моложе даже моей младшей внучки. Сына, а не внука - почему? Уж очень он взрослый. С удовольствием читаю его краеведческие «профессорские заметки» - уже опубликованные - о личностях-символах, о лучших калмыках своего края, на чьих примерах он формировался и продолжает совершенствоваться. Любя, хвалю его. Хвалю - предметно - за поступки, мысли, дела. Но у него до сих пор - никаких признаков зазнайства. Вообще-то калмыки ведь - народ гордый. Очень часто слышишь - конечно, по конкретным случаям побед, успехов, достижений: «Вы же знаете, Геннадий Никандрович, насколько талантливый народ - калмыки!» Это обычно произносится таким образом, чтоб слышали представители других народов. Часто я слышу слова восхищения калмыцким народом от русских. «Учиться надо у калмыков дорожить своими традициями, обычаями, беречь свою давнюю, древнюю культуру», - сказала как-то в большой, авторитетной аудитории учительница из Ставрополя.

Все мои наиболее важные, значимые идеями оппонентские выступления изданы в журнале Российской академии образования «Гегярлт» (Просвещение). Подобного вне Калмыкии нигде больше не встретишь.

Все этнопедагогические идеи в сочинениях главы Республики К. Н. Илюмжинова находят отклики в моих работах. А «Герновый венец президента» удостоен большой рецензии - размышлений в головном российском академическом журнале «Педагогика», и моя публикация «И друг степей калмык» привлекла внимание и за рубежом.

Много раз меня спасали Калмыкия и калмыки от верной - или неверной - смерти. Оперативные меры предпринимались при личном участии ректора. Спешно приходили на помощь и со стороны. Тот же талантливый Арсланг Санжиев сумел пригласить ко мне психотерапевта - экстрасенса - ясновидящего великого Ядму (Ядма - это звучит по-хански, по-царски, если фамилию, отчество назову - превратится сказанное от чистого сердца в обыденную рекламу).

Когда Ядма выяснил причину моего упаднического настроения - предательство одного из лучших моих учеников, - он сказал: «Нет ничего постоянного в мире: все течет, все изменяется. Быть может, это не измена, а изменение. Да и любить так сильно было нельзя. Лучший путь всегда срединный: пусть не будет слишком хорошо, пусть не будет и слишком плохо. Не должно теряться чувство меры. Умеренность нужна во всем. Говоря по-ученому, оптимум надежнее, чем максимум».

Вот несколько высказываний Ядмы, которые на всю оставшуюся мою жизнь нашли надежный приют в моем мозгу.

«Не сердитесь: гнев порождается гордыней. Гордыня - из-за желания, чтобы Ваш ученик был как Вы и поступал как Вы. Это невозможно. Вы недостижимы ни по мыслям, ни по делам, ни по нравственности поведения. Вы - живой святой, такие - крайняя редкость. Крайность - это слишком, повторяю: срединный путь - самый надежный путь».

«Самое главное - раскаяться в своем гневе. Напрасно сердился, ему хуже - прости его».

Тут же я признался Ядме, что позвонил тому человеку и сказал ему доброе и хорошее, то же самое повторил и его другу. Ядма одобрил это. Даже предложил свою великую философию, построенную на учении Будды.

«Смерти не бойся, но будь осторожен во всем - внимателен, бдителен».
«Чем больше добра сделаешь, тем дольше проживешь».

«Запомните четыре абсолютных истины: родился - умрешь, накопил - растратишь, поднялся высоко - упадешь низко, встретились – расстанетесь».

«Вся Калмыкия молится за Вас: Вы очень много добра сумели сделать для калмыков. Вам не может быть плохо ни в этой жизни, ни в другой, будущей».

«Я пришел к Вам возвращать прежний долг: в той давней жизни Вы мне сделали очень хорошее. Спасибо за то».

Мне осталось сказать: «Вам спасибо за это».

После августа (для меня это августовская контрреволюция) мне стало очень плохо. Тут же прикрепили ко мне врача, затем ректор незамедлительно отправил в Волгоградский кардио-реабилитационный центр. Там меня встретил Пашнанов Эрдни Лиджиевич, руководитель службы федерального казначейства по Республике Калмыкия - это деятель в ранге министра - и устроил меня лучше, чем сам был устроен. Сразу организовал встречу с ведущим кардиологом центра. Подобных примеров не десятки, они каждодневны. Лечу в самолете в Москву, рядом со мной - видный общественный деятель Леджинов Александр Иванович. «Лицо покраснело - что, у вас давление?» - спрашивает тоном врача. Тут же достает фляжку прекрасного напитка. «Убедитесь скоро, что я вам дал лучшее лекарство», - говорит с сыновней улыбкой. Прием лекарства повторялся, кажется, еще раза два.

В дни Зула (калмыцкого Нового года) меня буквально завалили прекрасными борцками. Конечно же, 15 декабря Зул я отмечал как

настоящий калмык. Я знал, понимал, что во многих семьях провели обряд продления жизни (насан уттулх), и все калмыки, независимо от дня и года рождения, стали на год старше. В хуруле «Золотая обитель Будды Шакьямуни» состоялись праздничный молебен и народные гуляния на площади. По традиции, праздник Зул продлится месяц. У меня это уже совпадает с Новым годом всеобщим - и по новому стилю, и по старому.

Не собираюсь я отчитываться перед родными мне калмыками. Просто размышляю. Какая закономерность в моей судьбе, жизни, деятельности? Что-то со мной произошло именно в Калмыкии, в объятиях калмыков? Странно и невероятно - пусть сомневающиеся подумают, что у Волкова «крыша поехала» - в прошлом году в апреле далеко от Элисты в девственной степи среди тюльпанов прилег, полуобняв, на скифском кургане - у меня все внутри затрепетало, забилося сердце по-другому, и показалось, что в кургане бьются до сих пор сердца моих предков. Один из моих близких друзей, вполне законно предвидя будущее переселение моей души в иной мир, твердо пообещал: «Твой прах соединим с прахами твоих древних предков в одном из лучших скифских курганов в калмыцкой степи». Тут же ударил по мозгам строгий запрет самого любимого человека. В ушах, в сердце и голове застряли навсегда: «Не возвращайся никогда!» Мне вдруг стало страшно лежать одному в чистой калмыцкой степи в скифском кургане - и все померкло. Вспомнил Александра Блока: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы!» Но и от этого не стало на душе легче. Любовь живого при жизни гораздо лучше, чем любовная, всепрощающая память о лежащем в земле: там - только прах, ставший землей, а душа на небе, далеко-далеко. «Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу...» Нет, не только не радуют, даже ни капельки не успокаивают эти прекрасные, нежные слова. При жизни ждешь другое, и мечты - иные. Пусть лучше завтра - забудет, а сегодня - хочу увидеть. Иначе опустеет земля... «Я люблю тебя!» А в ответ слышу: «Я тебя ненавижу!»

...Хоть верьте, хоть не верьте: все, что я рассказал, с начала до конца согрето, освещено, освящено древними монголами, ойратами, принято,

поддержано, одобрено примером, идеями, гением Чингис-хана. Вроде бы его ни разу не упомянул, но он все время и повсюду неявно присутствовал и водил моим пером. Все предыдущее - от Чингис-хана, что и оправдывает название моего повествования.

Первое удивление, случай необычный, неожиданный, фантастический, невероятный. Но не бред и не сновидение, это точно. И всем я рассказывал. Я продолжал удивляться, пересказывая, а люди это не воспринимали как чудо из чудес. Я уже приводил отрывок из монографии ректора. Однажды вывез меня Г. М. Борликов в степь и посадил на лучшего коня университета, любимца ректора. Сохранился и снимок. Я встал на стремя, посмотрел вдаль и увидел за горизонтом быстро скачущих на белых конях всадников. Иллюзия, мираж?.. Я не находил объяснения. И для самоуспокоения решил: скачут на конях вечности духи великих монголов. В том строю были, наверное, и ойраты, и тюрки. А мои предки - древние тюрки...

На моих лекциях часто ведут диалоги моя бабушка (Волкова Прасковья Филипповна) и дедушка А. Б. Панькина (Панькин Абля Лиджикович):

- Трудно верить трем явлениям на свете: весеннему небу, женскому сердцу и коню в степи.

Моя бабушка не во всем соглашалась с мудрым калмыком: у нее была вера в небо.

- А если проходит любовь?

- Нет, сынок, любовь не проходит, она приходит с неба, а небо - вечно.

- Троих людей надо жалеть больше всего на свете: того, кто остался без власти, того, кто потерял богатство, но грустнее всего умному между дураками.

Бабушке в этом случае ничего не оставалось, как соглашаться с калмыком по всем пунктам. Вот так они и беседовали, не зная о существовании друг друга. Диалог продолжался и на небе.

Подобного много было на лекциях. Когда-нибудь приведу отрывки из писем студентов о лекциях. Даже выпускники продолжают откликаться. Есть

высказывания ставропольчанки, опубликованные в газетах. «Из-за одной лекции по этнопедагогике Волкова Г. Н. стоило поступать в Калмыцкий университет», - встречается и подобная гиперболизация. А вот опубликованное: «От Вашего присутствия становится в аудитории уютнее, теплее и светлее, и хочется верить во все лучшее и настоящее».

В то же время немало и неожиданного в жизни. В кардио-реабилитационном центре встретил четырех чувашек из Канаша: ни одна из них не знает и не слышала обо мне. А вот калмык из далекого селения на вопрос элистинца: «Кто это с доброй улыбкой каждый раз приветствует тебя как родного?», - отвечает: «Это же Волков, наш калмыцкий профессор».

Профессор А. Б. Панькин не раз и не два спрашивал меня: «Что Вы - разговариваете с Небом, связаны с Космосом, что - Вы контактер?» Ничего определенного не могу сказать. Как бы ни было, но первый человек, с которым я познакомился и подружился по приезду в Калмыкию, была Галина Дорджиевна Музаева - контактер, бакши. Случайно ли это? Едва ли.

Никогда, наверное, не смогу найти объяснения, что Чингис-хан давным-давно пришел в мое сознание как Великий человек, как Сын Человечества, Гениальный Вождь народов... Впервые по этому поводу я высказался не у себя на Родине, - не хватило смелости для риска, а за рубежом - во Франции, в Сорбонне, в Доме студентов, построенном на средства Рокфеллера. Сказал буквально несколько слов о монголах, калмыках, Чингис-хане (кстати, первая, причем лучшая книга о Чингис-хане издана в Париже калмыком-эмигрантом Эрендженем Хара-Даваном). Начиная с того времени, в моих лекциях по этнопедагогике постепенно и постоянно расширялись и укреплялись позиции Чингис-хана. В 1981 году в Берлинском университете на факультете журналистики, в отделении, готовящем международных журналистов, великому полководцу как воспитателю масс (просветителю, народному педагогу, моралисту) посвятил целую лекцию. Это было для слушателей необычно и неожиданно. Да и смело, пожалуй, для того времени. На нее реакция была бурной. Два десятка вопросов. Ответы на них настолько

были конкретны, студентка-немка спросила: «Вы случайно не родственник, не потомок Чингис-хана?» Я отшутился, не придав значения вполне серьезному вопросу. В Эрфурте, в Высшей педагогической школе (ныне - университет), Чингис-хан уже находил себе дорогу в рефераты и курсовые работы студентов - старшекурсников. Ему посвящались и семинары...

Однако, если проследить эволюцию моих мыслей, моей деятельности в этой области, она заняла бы много места. Я сразу перескакиваю, пропуская почти два десятилетия.

В 1999 году в Москве, в авторитетнейшем издательстве «Academia», вышел первый в мире вузовский учебник под названием «Этнопедагогика». Огромный для педагогики тираж - 30 тысяч экземпляров - разошелся мгновенно. В учебнике раздел «Этнопедагогическая пансофия народов» был полностью посвящен Чингис-хану, одному ему с его народно-педагогическими идеями. Никогда не смогу объяснить, как я к этому пришел, какими путями дошел. У меня он - самый великий народный воспитатель. Загадка для меня самого так и остается неразгаданной. Подсказало Небо? Или где-то рядом витает дух самого Чингис-хана? Быть может, меня толкнул к нему великий соплеменник, духовная вершина чувашской нации Н. Я. Бичурин (отец Иакинф), автор лучших исследований о монголах и ойратах-калмыках? А вдруг проснулась во мне и заговорила генетическая программа моих предков?

Нельзя замалчивать и то, что учебник мой не был принят единодушно. Получал и письма. Отдельные были ругательскими. С печалью возражал мне и мой давний друг и союзник академик Л. А. Шейман (Кыргызстан). Он прямо вопрошал: «Зачем идеализируешь личность и приукрашиваешь идеи этого кровожадного зверя?»

В 2000 году учебник был переиздан. Весь тираж разошелся быстро. Однако других переизданий уже не было. По издательствам я никогда не ходил и не хожу, поэтому причины замалчивания учебника до сих пор не знаю. Монголы запрашивали у меня разрешение на перевод и издание

учебника, я дал согласие - но последствия мне не известны до сих пор. Но Чингис-хан продолжает учить, назидать, наставлять будущих учителей: он мощно вошел в учебное пособие «Введение в этнопедагогiku» (авторы - Г. Н. Волков, Т. Н. Петрова, А. Б. Панькин). Сильно он представлен и в моих избранных этнопедагогических сочинениях, вышедших в Элисте тиражом в 3 тысячи экземпляров под названием «Педагогика национального спасения». Огромной благодарности заслуживают редакторы и авторы предисловия Л. Н. Мукаева и А. А. Сокальский. К тому еще Л. Н. Мукаева - издатель книги, без нее она не увидела бы света. В объективной оценке великого полководца опередил я ЮНЕСКО, провозгласившего несколько лет назад Чингис-хана «Человеком второго тысячелетия». Это была большая победа в моей жизни, а побед у меня не так уж было много за долгие годы трудов и борьбы. Да и в данном случае вроде бы особенно и торжествовать-то нечем: мне кажется, что сам Чингис-хан или его дух поддерживал меня или даже покровительствовал. В общем и целом иной раз представляется, что все получилось легко и просто, чуть ли почти все досталось мне в готовом виде с Неба. Я не смогу пока найти объяснения, каким образом все это оказалось около меня, во мне и для меня. Загадка из загадок.

Быть может, что-нибудь, как-нибудь и когда-нибудь разъяснят антропологи, раз они по родимому пятну в форме эллипса у меня на спине справа на уровне чуть ниже пояса решили, что я по предкам - настоящий монгол. Но этот знак-тамга обычно у монголов исчезает в раннем детстве. У Чингис-хана сохранялся этот знак судьбы до самой смерти, и у меня до сих пор, как нарисованный, отчетливо выделяется. У сына этот знак слева, но едва можно разглядеть, становится все бледнее и бледнее: мать - русская... Есть знак и у дочери...

Монголо-ойратско-калмыцкая моя загадка так и остается пока тайной за семью замками. Тайна когда-то должна стать разгаданной, явной, понятой, и я должен получить ответ хотя бы на простенький вопрос: как я оказался в Калмыкии и что меня держит у калмыков, когда Родина, милая моя Чувашия

зовет?! И душа тянется туда, все чаще и чаще снятся родные с детства луга, поля, овраги, даже лужа около колодца на моей улице...

Пусть буду суеверным, пусть все это предрассудки. С 11 на 12 ноября 2006 года сплю-не сплю - не знаю. В бреде, что ли? Нечто похожее на живые сновидения. Слышу громкий голос с неба. А небо нежно-голубое. И плывут легкие белые облака - как мысли о любимом... Любимой...

- Ты где? Ты где?

Хотя этот крик напрасен...

Какое-то чудо-пароль. От предков или потомков? От гуннов, монголов, ойратов, калмыков? Не от чувашей - вдруг? От Савра (это древнее название племени предков чувашей)? Чуть Савр в трусливой нерешительности не предал Джангара, но успел одуматься. И тем сохранил доброе имя моих предков и меня успокоил заодно.

Что происходит со мной? «Крыша поехала»? Сумасшедший? Если надо кому-то - пусть будет так.

Однако чести никогда не изменю, никогда никого не предаю. Удалось бы только достойно вынести измены и предательства. Выдержать. Неплохо бы, конечно, найти срединный путь. Где же пролегает он? Быть может, самому надо проложить, если хватит сил? И если отпущены Небом дни...

Братья-калмыки, я люблю вас, будьте счастливы!

7 января 2007 г.

Элиста - Чебоксары.

Волков, Г. Неразгаданная моя калмыцкая загадка / Г. Волков // Лик. – 2007. - № 1. – С. 143-152.